

## УКАЗ ОБ ОПРИЧНИНЕ

Укрывшись в укрепленной Александровской слободе, Иван IV направил в Москву гонца Поливанова с грамотами. Одну грамоту гонец вручил митрополиту Афанасию вместе со списком, «а в нем писаны измены боярские и воеводские и всех приказных людей, которые они измены делади и убытки государству его до его государьского возрасту...».

По существу, «список», присланный митрополиту, был посвящен в основном той же теме, что и летописные приписки и письмо царя Курбскому. В канун опричнины, когда старые вины бояр еще не были заслонены «великой боярской крамоллой» опричных лет, вопрос об «изменах» бояр в малолетство Грозного приобрел злободневность, какой он не обладал ни прежде, ни потом.

Бояре расхитили государеву казну (в приписках такие упреки конкретно адресовались Шуйским), присвоили «государские земли» и пр. Едва царь соберется наказать виновных «по их винам», как все чины «покрывают» опальных (берут их на поруки).

В то время как члены думы и епископы сошлись на митрополичьем дворе и выслушали известие о царской на них опале, дьяки собрали на площади большую толпу и объявили ей об отречении Грозного. В прокламации к горожанам царь просил, «чтобы они себе никоторого сумнения не держали, гневу на них и опалы никоторые нет». Объявляя об опале власть имущим, царь как бы апеллировал к народу в своем давнем споре с боярами. Он не стесняясь говорил о притеснениях и обидах, причиненных народу изменниками-боярами.

Толпа на дворцовой площади прибывала час от часу, а ее поведение становилось все более угрожающим. Допущенные в митрополичьи покои представители купцов и горожан заявили, что останутся верны присяге, будут просить у царя защиты «от рук сильных» и готовы сами «потребить» всех государевых изменников.

При чтении официального отчета об отречении Грозного трудно избавиться от впечатления, что летописец преувеличил верноподданнические чувства народа, в едином порыве выразившего желание уничтожить всех, кто противился царю. Народу не за что было благодарить самодержца. Его царствование ознаменовалось бесконечными войнами и резким повышением царевых податей.

В Боярской думе оставался князь Александр Горбатый и некоторые другие бояре, не боявшиеся «прекословить» государю. Ввиду этого Иван IV после отречения испытал смертельное беспокойство. В январские дни он проявил малодушие.

Все знали, что Горбатуму принадлежали лавры победителя Казани. Слава обеспечила ему авторитет в народе. Но противникам жестокого правителя не хватало единодушия. Из-за вражды со Старицкими князья Шуйский и Суздальские не желали видеть на троне князя Владимира. У многочисленной родни князя Владимира не было авторитетного предводителя, и они не могли преодолеть недоверия к Шуйским.

Царь избегал эксцессов на протяжении полугода, пока втайне готовил опричнину. Он усыпил подозрения недругов, для которых его отречение было полной неожиданностью. Благоприятный момент был упущен. Под давлением обстоятельств Боярская дума не только не приняла отречение Грозного, но вынуждена была обратиться к нему с верноподданническим ходатайством.

Представители митрополита и бояре, не теряя времени, выехали в Слободу. Царь допустил к себе духовных лиц и в переговорах с ними заявил, что его решение окончательно. Но потом он «уступил» слезным мольбам близкого приятеля, чудовского архимандрита Левкия, и новгородского архиепископа Пимена. Наконец в Слободу допущены были руководители думы. Слобода производила впечатление военного лагеря. Бояр привели во дворец под сильной охраной как явных врагов. Вожди думы просили царя сложить с них гнев и править государством, как ему «годно».

Ответная речь царя подробно изложена в записках опричников-иностранцев Таубе и Крузе. Сам по себе этот источ-

ник не внушает большого доверия. Но в нем фигурируют многие сюжеты, присутствующие в подлинном послании царя Курбскому. Царь заявил боярам, что они и прежде пытались погубить славную династию и теперь ежечасно готовы сделать это. В словах Ивана можно усмотреть прямой намек на заговоры в пользу Старицких. Но имя удельного князя названо не было: прощение брата обязывало к молчанию. Как и в письме Курбскому, царь охотнее всего касался таких тем, как незаконное боярское правление в годы его детства. В Слободе Иван IV выдвинул новые обвинения против бояр, отсутствовавшие в послании. Он заявил, будто после смерти отца бояре хотели лишить его законных прав и сделать своим государем выходца из рода *Barbato* — князей Горбатов-Шуйских. И этих людей он ежедневно вынужден видеть в числе тех, кто причастен к правлению. Свою гневную речь Грозный заключил словами о том, что изменники извели его жену и стремятся уничтожить его самого, но Бог воспротивился этому и раскрыл их козни. Теперь он, царь, обязан принять меры, чтобы предупредить надвигающееся несчастье.

Присутствовавшие прекрасно уразумели смысл царской речи. Старшие Шуйские давно сошли со сцены, за исключением одного князя Александра Горбатого. Его-то и имел в виду царь, говоря о том, что принужден ежедневно встречаться с ним в своей думе. Правда, при регентстве Шуйских Горбатый подвизался на самых скромных ролях. Лишь при Адашеве Горбатый стал одним из столпов думы. Это и погубило его. Боярская дума не смогла защитить своего признанного вождя.

Когда царь под предлогом борьбы с заговором потребовал от бояр чрезвычайных полномочий, они ответили покорным согласием. Для выработки соглашения с думой царь оставил в Слободе нескольких бояр, а остальных в тот же день отослал в столицу. Такое разделение думы как нельзя лучше отвечало целям Басманова и других приспешников царя. На подготовку приговора об опричнине ушло более месяца. В середине февраля царь вернулся в Москву и представил на утверждение думе и Священному собору текст приговора.

В речи к собору Иван сказал, что для «охранения» своей жизни намерен «учинить» на своем государстве «опришнину» с двором, армией и территорией. Далее он заявил о передаче Московского государства (земщины) в управление Боярской думы и присвоении себе неограниченных полномочий — права без совета с думой «опаляться» на «непослушных» бояр, казнить их и отбирать в казну «животы» и «статки» опальных. При этом царь особенно настаивал на необходимости покончить со злоупотреблениями властей и прочими несправедливостями. В этом «тезисе» заключался, как это ни парадоксально, один из главнейших аргументов в пользу опричнины.

Правительство без труда добилось от собора одобрения подготовленного указа. Члены думы связали себя обещаниями в дни династического кризиса. Теперь им оставалось лишь верноподданнически поблагодарить царя за заботу о государстве.

Организованная по типу удельного княжества, «опришнина» находилась в личном владении царя. Управляла опричной особой Боярская дума. Формально ее возглавлял удельный князь, молодой кабардинец Михаил Черкасский, брат царицы. Но фактически всеми делами в думе распоряжались Плещеевы (бояре Алексей Басманов и Захарий Очин, кравчий Федор Басманов) и их друзья (Вяземский и Зайцев).

В состав опричного «удела» вошло несколько крупных дворцовых волостей, которые должны были снабжать опричный дворец необходимыми продуктами, и обширные северные уезды (Вологда, Устюг Великий, Вага, Двина) с богатыми торговыми городами. Эти уезды служили основным источником доходов для опричной казны. Финансовые заботы побудили опричное правительство взять под свой контроль также главные центры солепромышленности: Старую Руссу, Каргополь, Соль Галицкую, Балахну и Соль Вычегодскую. Своего рода соляная монополия стала важнейшим средством финансовой эксплуатации населения со стороны опричного правительства.